

Моральное самооправдание как миф «моральной свободы» личности

С.В. Молчанов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Поступила 14 сентября 2019/ Принята к публикации: 26 сентября 2019

Moral Disengagement as myth of "moral freedom" in personality

Sergey V. Molchanov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Received September 14, 2019 / Accepted for publication: September 26, 2019

Актуальность. Актуальность темы исследования механизмов морального самооправдания обусловлено увеличением частоты встречаемости девиантного поведения в российском обществе, в том числе в социальных группах, обладающих когнитивными и личностными качествами, необходимыми для адекватной оценки ситуации морального выбора. Анализ способов обеспечения моральной свободы позволит уточнить условия и факторы реализации модели поведения в условиях морального выбора.

Цель. Анализ особенностей использования механизмов морального самооправдания в подростковом возрасте и выделение основных направлений эмпирического исследования способов обеспечения «моральной свободы»

Описание хода исследования В статье анализируется концепция морального развития, предложенная в работах А. Бандуры, в том числе модель механизмов морального самооправдания, обеспечивающая моральную свободу человека. Рассматриваются основные направления эмпирических исследований механизмов моральной свободы, определяется взаимосвязь механизмов морального самооправдания и моральной свободы личности.

Результаты исследования. Были выделены основные направления эмпирических исследований механизмов морального самооправдания, определена возрастная-психологическая специфика использования механизмов морального самооправдания, возможности использования механизмов морального самооправдания в средне- и долгосрочной временной перспективе, взаимосвязь с компонентами морального развития. Определено место механизмов морального самооправдания в реализации «моральной свободы» личности.

Выводы. Проведенный анализ показал, что выделенные А. Бандурой механизмы морального самооправдания могут использоваться как способ обретения моральной свободы в условиях совершения аморального поведения с учетом ряда условий. Были выделены гендерные различия в характере предпочтений использования механизмов морального самооправдания более высокая, чем в период молодости. Было показано, что существует взаимосвязь между интенсивностью в использовании механизмов морального самооправдания и когнитивными и личностными особенностями, обеспечивающими моральное поведение личности.

Ключевые слова: А. Бандура, мораль, моральное самооправдание, моральное поведение, аморальное поведение, моральная свобода, подростковый возраст.

Background. The study of moral disengagement is due to exacerbating deviant behaviour in Russian society, including social groups with cognitive and personal qualities required for adequately assessing the situation of moral choice. An analysis of the ways to ensure moral freedom will help to clarify the conditions and factors for implementing a model of behaviour within moral choice.

Objective. Analysis of moral disengagement in adolescence and identifying main areas of empirical research to ensure «moral freedom» are highlighted.

Design. The paper analyses the concept of moral development proposed in the works of A. Bandura including the model of moral disengagement that ensures personal moral freedom; the main directions of empirical research are considered, the relationship of the mechanisms of moral disengagement and moral freedom of the individual are identified.

Results. The main insights into mechanisms of moral disengagement are identified, the age-based mechanisms of moral disengagement, the possibility of using the mechanisms of moral disengagement in the medium and long time perspective are highlighted, the relationship with the components of moral development are determined. The role of moral disengagement in implementing the «moral freedom» of the personality is determined.

Conclusion. The analysis showed that the mechanisms of moral disengagement identified by A. Bandura can be used as a way of gaining moral freedom within immoral behaviour, taking into account certain conditions. In adolescence, the intensity of using moral disengagement mechanisms is higher than in youth. Gender differences in preferences for using mechanisms of moral disengagement were highlighted. There is a relationship between the intensity of using mechanisms of moral disengagement and cognitive and personal characteristics that ensure the moral behaviour of the individual.

Keywords: A. Bandura, morality, moral disengagement, moral behaviour, immoral conduct, moral freedom, adolescence.

Моральное развитие как фактор профилактики девиантного поведения.

Проблема моральной свободы личности как вершины нравственного развития человека является предметом философских и психологических исследований. Введение термина «моральная свобода» осуществил И. Кант (Кант, 1965). Для Канта свобода является условием и, одновременно, высшим проявлением морали. Кант определял моральность как отношение поступков к автономии воли.

Кант определял моральность как отношение поступков к автономии воли. Именно личность устанавливает моральные законы, после чего подчиняется им. Парадокс моральной свободы заключается в том, что человек должен подчиняться только тем моральным нормам, которые он сам себе установил

Именно личность устанавливает моральные законы, после чего подчиняется им. Парадокс моральной свободы заключается в том, что человек должен подчиняться только тем моральным нормам, которые он сам себе установил. Однако моральная свобода не исчерпывается осознанием объективной моральной необходимости и субъективным моральным выбором (свободой воли), как это трак-

туется в рациональной модели классической этики (Кочеров, 2015). Ключевым условием понимания моральной свободы является самоопределение личности в системе моральных ценностей, идеалов и норм. Моральное самоопределение личности может быть реализовано в форме следования принятому спосо-

бу морального поведения по обычаю и культурной традиции, из уважения к принятым в обществе моральным нормам и, наконец, посредством выработки собственного морального закона, основанного на осознании принятых личностью моральных норм и ценностях. Моральная свобода выступает как «сознательный выбор формы поведения, соответствующей адекватно понятой моральной необходимости» (Анисимов, 1985, С. 132), самосозидание личности, основанное на свободном выборе и принятии ответственности за этот выбор. Од-

нако моральная свобода может привести и к нарушению принятых в обществе моральных норм, и к действиям вопреки нравственным идеалам, поскольку трагедия свободы, по словам Н. Бердяева, есть свобода в выборе добра и зла (Бердяев, 2001). Однако даже в случае выбора зла человек стремится согласовать свой поступок с принятыми в обществе моральными идеалами и нормами, чтобы

поддержать самоуважение и самооценку. При этом актуальной задачей становится самооправдание нарушения вышеназванных норм. Проблема морального самооправдания возникает в ходе морального развития, когда человек уже принимает моральные стандарты как должное, но в силу разных причин еще не готов следо-

вать им в своем поведении. Традиционно нарушение моральных норм, порождающее девиантное поведение, в психологии морали связывается с низкой стадией морального развития субъекта, с особенностями морального мышления, моральной идентичности, ценностей, моральных эмоций и других условий, определяющих уровень морального развития личности

В работах А. Бандуры был предложен иной подход к пониманию оснований девиантного поведения, нарушающего моральные и социальные нормы взаимодействия между людьми. В 1980-е гг. А. Бандура, исходя из концепции социального научения, предложил новую модель морального развития. В фокусе его внимания оказались механизмы «моральной свободы» – способы морального самооправдания в условиях нарушения моральных норм. Цикл работ автора, начатый в 1986 г. и увенчавшийся трудом «Моральное самооправдание: как люди причиняют вред и живут с этим», вышедшем в 2015 году, был посвящен проблеме морального развития и условиям проявления моральной свободы как права пойти в своем поведении наперекор общепринятым нормам морали (Bandura, 2015).

Целью нашей статьи является анализ основных направлений исследования механизмов морального самооправдания как стремления личности обрести «моральную свободу» в условиях нарушения принятых моральных стандартов в рамках теории социального научения А. Бандуры.

Целью нашей статьи является анализ основных направлений исследования механизмов морального самооправдания как стремления личности обрести «моральную свободу» в условиях нарушения принятых моральных стандартов в рамках теории социального научения А. Бандуры.

Подход А. Бандуры к моральному развитию личности

В работах А. Бандуры, посвященных проблеме морального развития, можно выделить три направления исследования: анализ закономерностей морального развития личности в русле общих идей теории социального научения, выделение системы саморегуляции и ее ком-

Сергей Владимирович Молчанов –

кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

E-mail: s-molch2001@mail.ru

<https://istina.msu.ru/profile/Molchanov/>

Для цитирования: Молчанов С.В. Моральное самооправдание как миф «моральной свободы» личности // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 3(35). – С. 60–70. doi: 10.11621/npj.2019.0307

For citation: Molchanov S.V. (2019). Moral Disengagement as myth of «moral freedom» in personality. National Psychological Journal, [Natsionalnyy psikhologicheskii zhurnal], (12)3, 60–70. doi: 10.11621/npj.2019.0307

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2019
© Russian Psychological Society, 2019

понентов, обеспечивающих реализацию морального поведения и объяснение ситуаций нарушения моральных норм через определение механизмов моральной свободы.

Признавая вслед за Ж. Пиаже и Л. Кольбергом роль мышления в регуляции поведения в ситуации морального выбора, А. Бандура полагает, что необходимо выявить механизмы поведения, заставляющие людей жить в соответствии с моральными стандартами (Bandura, 2000). «Теория социального научения адаптирует когнитивную интеракционистскую модель к феномену морального поведения. Через призму этого подхода такие личностные факторы, как моральное мышление и аффективные реакции, моральное поведение, факторы среды, взаимодействуют между собой и влияют друг на друга» (Bandura 1991, P. 45).

В теории социального научения следование моральным нормам рассматривается как результат научения. Механизмом морального развития, позволяющим регулировать и направлять поведение ребенка, признается научение через подражание образцам и эталонам, отвечающим социо-культурным моральным нормам (Bandura, 2002). Процесс научения нередко объединяет элементы различных моделей поведения. В фокусе внимания – не содержание ценностей и моральных стандартов, а процесс их развития, который понимается как постепенный, длительный процесс выделения моральных стандартов и способов поведения. Моральное развитие носит плавный эволюционный характер, здесь нет скачкообразных изменений (Thomas, 1997).

А. Бандура указывает, что на ранних этапах развития поведение преимущественно регулируется внешними предписаниями и социальными санкциями. Моральные стандарты и правила конструируются через прямое обучение, через оценку поведения окружающих и оценку стандартов, определяющих их поведение. Критерием такой оценки является анализ последствий как системы положительных и отрицательных подкреплений. Дети стремятся совершать действия, за которые хвалят, вознаграждают, дарят подарки и избегают нарушать стандарты морального поведения, поскольку это повлечет за собой осуждение, неодобрение,

наказание. В процессе социализации происходит усвоение моральных стандартов как ориентиров поведения, как базы для оценки собственного поведения, формируется основа внутренней саморегуляции. Поступки, оцениваемые как «хорошие», «правильные», позволяют ощутить собственную значимость и приносят чувство удовлетворения. Напротив, нарушение принятых моральных стандартов приводит к самоосуждению и недовольству собой.

Моральное развитие зависит от жизненного опыта взаимодействия с други-

Общими условиями, определяющими моральное развитие, являются развитие интеллектуальных способностей, расширение круга социального общения, требующее учета обобщенных моральных норм, социальные ожидания и санкции в отношении следования и нарушения моральных норм, развитие способности к интернализации моральных стандартов, регулирующих поведение

ми людьми и наблюдения за их поведением. Общими условиями, определяющими моральное развитие, являются развитие интеллектуальных способностей, расширение круга социального общения, требующее учета обобщенных моральных норм, социальные ожидания и санкции в отношении следования и нарушения моральных норм, развитие способности к интернализации моральных стандартов, регулирующих поведение. С другой стороны, опыт взаимодействия с людьми индивидуален, что определяет вариативность формирования моральных ценностей и стандартов. Если моральные ценности обеспечивают максимальное благополучие для максимального числа членов сообщества и разделяются ими, то они могут стать неформальными правилами поведения или даже быть формализованы, вплоть до законов. Подчеркивая значимость общих моральных ценностей, А. Бандура утверждал, что разделенная мораль необходима для функционирования общества. Вместе с тем, ценности не являются абсолютно универсальными в силу существования различий между ценностями различных социальных групп. Это позволяет рассматривать концепцию А. Бандуры как индивидуально-релятивистский подход (Thomas, 1997).

А. Бандура выделяет три составляющих системы саморегуляции морально-

го поведения: самонаблюдение, оценка на основе соотнесения своего поведения с моральными стандартами и саморегулирование, позволяющее изменить поведение в случае необходимости. (Bandura et al., 1996). Соотнесение своего поведения с моральными стандартами и последующее положительное или негативное самоподкрепление обозначаются как структура самосанкций, которая может действовать как во время, так и после совершения поступка (Bandura, 1990, 1991, 1999). Самосанкции позволяют осуществлять действия в соответствии с личными

стандартами. Положительное самоподкрепление в ситуации морального поступка, например, переживание собственной значимости и высокая моральная самооценка, может компенсировать затраты и потери, возникающие в силу стремления соответствовать принятым моральным стандартам, когда роль социальных обязательств и норм будет значима для структуры самосанкций человека (Bandura, 1999). Вместе с тем, система саморегуляции не создает постоянно функционирующую систему внутреннего контроля, подобно системе Супер-Эго в психоанализе или когнитивным структурам морального сознания в теории Л. Кольберга. Активизация системы саморегуляции всегда происходит в рамках конкретной ситуации (Bandur et al., 1996).

Моральное поведение может проявляться в прогрессивной проактивной форме, когда человек ведет себя гуманно, помогая другим, и в форме подавления, блокирования своего негуманного, асоциального поведения (Bandura, 1999). Можно предположить, что развитие проактивной либо подавляющей формы морального поведения будет зависеть от социальных образцов и характера взаимодействия с окружающими людьми. Если у ребенка в семье нет образца просоциального одобряемого поведения, а главным методом воспитания является наказание, то наиболее вероятен вариант

Если у ребенка в семье нет образца просоциального одобряемого поведения, а главным методом воспитания является наказание, то наиболее вероятен вариант подавления и блокирования. Наличие же модели «хорошего» поведения, практика такого поведения, положительная обратная связь и подкрепление в семье обеспечат развитие просоциальной формы морального поведения

подавления и блокирования. Наличие же модели «хорошего» поведения, практика такого поведения, положительная обратная связь и подкрепление в семье обеспечат развитие просоциальной формы морального поведения. Оценка поведения со стороны значимого социального окружения играет большую роль в формировании моральных стандартов и структуры самосанкций. Переживание ребенком при наказании негативного аффекта, страха или волнения в силу физического воздействия или под влиянием таких невербальных средств общения, как мимика, жестов, интонации и т.д., способствует принятию моральных стандартов как основания действия (Burton & Kuncze, 1995).

В онтогенезе при научении через подражание развивается система саморегуляции, включающая моральные стандарты и самосанкции, обеспечивающие самоконтроль поведения. Однако даже в случае сформированности этой системы мы наблюдаем и нарушение человеком моральных норм, и проявления агрессии и насилия по отношению друг к другу

Моральное поведение как основная форма подражания, включает когнитивные и эмоциональные составляющие. Было показано, что дети более склонны подражать поведению родителя, чем действовать по заданному вербальному образцу (Bandura & McDonald, 1963). Для успешного научения через подражание необходимо, во-первых, наблюдение и выделение ключевых аспектов поведения, во-вторых, визуальное или семантическое кодирование информации в памяти с ее последующим запечатлением, хранением и воспроизведением, в-третьих, воспроизведение модели в реальном поведении. Для успеха научения также значима роль мотивации. Когнитивные процессы играют большую роль в разви-

тии морального поведения. Уровень когнитивного развития ребенка определяет эффективные тактики объяснения ему причин и способов поведения, их понимание и выделение общих правил поведения в широком спектре ситуаций, что оказывается эффективным дополнением к простому ограничению поведения ребенка (Burton, 1976; Aronfreed, 1976). Эмоциональная составляющая морального поведения: совместное переживание положительных и отрицательных эмоций в межличностном взаимодействии, эмпатическая установка в восприятии другого человека и принятие значимости его чувств и переживаний является существенным условием принятия мо-

ральных стандартов и следования им (Bandura, 1986). Оценка поведения со стороны этих людей играет большую роль в формировании моральных стандартов и структуры самосанкций.

В онтогенезе при научении через подражание развивается система саморегуляции, включающая моральные стандарты и самосанкции, обеспечивающие самоконтроль поведения. Однако даже в случае сформированности этой системы мы наблюдаем и нарушение человеком моральных норм, и проявления агрессии и насилия по отношению друг к другу. Каковы психологические механизмы, актуализирующие такое поведение? Почему в этих случаях бездействует система саморегуляции морального поведения?

Был выделен ряд психологических механизмов, позволяющих обходить активизацию системы саморегуляции и обеспечивающих так называемую «моральную свободу» человека. Они связаны с тремя процессами саморегуляции: восприятием ситуации морального выбора, оценкой последствий поступка для людей и оценкой фигуры жертвы и отношения к ней

Механизмы морального самооправдания в работах А. Бандуры.

А. Бандура рассматривает механизмы морального самооправдания как социо-когнитивные процессы, позволяющие человеку оправдать свое аморальное поведение с целью сохранения позитивной самооценки и самоуважения (Бандура, 1986). Механизмы морального самооправдания понимаются как тенденция к оправданию действий, приносящих вред другому с целью сохранения самооценки, минимизации индивидуальной ответственности за причинение вреда другому (Carpraga et al., 2006). Автором был выделен ряд психологических механизмов, позволяющих обходить активизацию системы саморегуляции и обеспечивающих так называемую «моральную свободу» человека. Они связаны с тремя процессами саморегуляции: восприятием ситуации морального выбора, оценкой последствий поступка для людей и оценкой фигуры жертвы и отношения к ней. Можно выделить следующие механизмы моральной свободы: моральное оправдание, речевой эвфемизм, сравнение как оправдание, распределение ответственности, дегуманизация жертвы, атрибуция вины. В большинстве случаев их совместное согласованное действие создает основу самооправдания нарушения моральных норм.

Моральное оправдание (нет другого выхода!) реализуется через общее правило – люди не совершают аморальных поступков, если нет подтверждения на личном и социальном уровне правомерности и необходимости их действий и признания обоснованности причин нарушения моральных норм (Kelman & Hamilton, 1989; Kramer, 1990; Sanford & Comstock, 1971). В истории разных стран и сообществ можно найти примеры того, как политические, религиозные, идеологические идеи способствовали формированию образа врага и чувства угрозы у социальных групп, следствием чего становилось оправдание собственного насилия как формы защиты себя и своих граждан, их чести и достоинства (Kramer, 1990; Rapoport & Alexander, 1982; Reich, 1990; Cohen & Nisbett, 1994). На уровне государства примером может служить специфическое отношение к насилию,

которое может рассматриваться как нарушение общечеловеческих норм морали, если оно исходит от индивида или социальных групп, однако «война и другие формы официального насилия уникальны тем, что они легитимизируются государством» (Арчер, Гартнер, 2003, С. 44) Как результат, насилие и агрессия и даже убийства со стороны государства, применяемые к отдельным гражданам, не рассматриваются как нарушение моральных стандартов. Согласно А. Бандуре, моральное оправдание – наиболее эффективный механизм снятия внутренних санкций, поскольку в этом случае происходит реконструкция вредоносного поступка в необходимое позитивное действие (Bandura et al., 1996). Моральное обоснование в ряде ситуаций может использовать интерпретационный конструкт постконвенционального уровня морального развития (Л. Кольберг), может приводить даже к повышению самооценки, вопреки нарушению моральных стандартов (Levine & Schweitzer, 2014).

Речевой эвфемизм (назвем зло добром) рассматривается как замена слова или выражения неудобного для употребления или грубого (Ожегов, 1988). Одно и то же событие и действие могут быть по-разному названы, что влечет за собой изменение самого восприятия и поведения. Эмпирические исследования подтверждают: люди ведут себя гораздо более агрессивно и жестоко, если их действия обозначаются более мягко, чем агрессия (Diener et al., 1975). Например, замена слова «избить» на «проучить» резко меняет эмоциональную окраску поведения, а, следовательно, и оценку происходящего. Обозначение агрессивных действий предупредительными мерами также повышает вероятность совершения агрессивного акта. На уровне государственной политики происходит замена слов в официальных сообщениях, в том числе в средствах массовой информации – слово «убийство» может быть заменено на «наказание», «самооборона» и т.п. Как результат – наличие насилия со стороны государства не рассматривается как нарушение моральных норм (Арчер, Гартнер, 2003, С. 44).

Сравнение как оправдание (по сравнению с другими, я ...): этическая оценка поступка и его соответствие моральным

стандартам часто происходит через сравнение себя с другими. Принципиальное значение имеет выбор объекта для сравнения. Можно сравнивать свой поступок с собственным поведением в похожей ситуации, с поведением другого человека или целой группы. Соответственно, для оправдания нарушения моральной нормы можно выбрать вопиюще пренебрежительное по отношению к моральным стандартам поведение, на фоне которого собственный поступок будет выглядеть вполне благопристойным или, по крайней мере, оправданным (Bandura, 1991). Так, например, насилие может быть морально оправдано, если ненасильственные действия рассматриваются как неэффективные, и есть уверенность в том, что осуществляемая агрессия позволит предотвратить еще большее насилие.

Распределение ответственности. Структура самосанкций актуализирует переживание ответственности за собственный поступок. Анализ асоциального и аморального поведения обнаруживает возможность отрицания или минимизации собственной ответственности. Существуют два варианта распределения ответственности для оправдания нарушения моральных норм: перекалывание ответственности и диффузия ответственности. При перекалывании ответственности свое поведение рассматривается как следствие социального давления или воздействия других людей, но не как результат собственного выбора (Andrus, 1969). Наличие авторитетной/авторитарной фигуры, берущей на себя ответственность, может изменять поведение и переживания людей по принципу – «поскольку я не отвечаю за свое поведение – я себя не оцениваю». Так, в исследовании С. Милгрма было изучено, в каких ситуациях человек готов проявить агрессию по отношению к другому. Обнаружено, что прямые указания авторитетного лица в сочетании с давлением сверстников приводят практически всегда к проявлению агрессии и причинению вреда другому (Milgram, 1974). Лучшими исполнителями актов насилия оказываются люди, готовые подчиниться авторитету и при этом не испытывающие чувства личной ответственности за свои поступки (Bandura, 1999). В реальной жизни перекалывание ответственности реали-

зуется более сложным путем. Поскольку авторитетный лидер зачастую сам не хочет отдавать команды, направленные на причинение вреда другим людям и, тем самым, негативно влияя на самоотношение, используется сочетание речевого эвфемизма и морального оправдания действий и лишь потом отдаются прямые приказы.

Другой вариант перекалывания ответственности – диффузия ответственности. Можно выделить несколько вариантов диффузии ответственности (Kelman, 1973). Первый – ситуация распределенного действия. Каждое конкретное действие само по себе не порождает причинение вреда людям, но, складываясь в совместную деятельность, приводит к серьезному урону для окружающих людей и общества в целом. Например, взятые изолированно операции изготовления и транспортировки наркотиков не оказывают прямого губительного воздействия на человека, но в целом, на конечном этапе наркотрафик приводит к гибели людей. Здесь внимание переключается с моральной оценки ситуации в целом на оценку выполнения своей части работы. Второй вариант диффузии ответственности – ситуация принятия группового решения. Когда ответственность возлагается на всех, никто персонально не несет ответственности. Групповое решение позволяет снизить моральный контроль, поскольку всегда есть возможность переложить ответственность на другого. Третий вариант – совместное нарушение моральных стандартов, ослабляющее или снимающее контроль (Zimbardo, 1995). Люди ведут себя более агрессивно, когда ответственность носит групповой характер, по сравнению с ситуациями, где каждый лично несет индивидуальную ответственность за свое поведение (Bandura et al., 1975; Diener, 1977; Zimbardo, 1995).

При оценке последствий нарушения моральной нормы актуализируются такие механизмы морального самооправдания как искажение/игнорирование/отрицание последствий поступка. Оценка последствий поступка является важным условием оценки морального поведения. Совершая действия, причиняющие вред, нарушители моральных стандартов минимизируют или отрицают негативные последствия для пострадавших. Они

Нарушители моральных норм часто видят себя беззащитными жертвами обстоятельств и злонамеренного поведения окружающих, а свое поведение расценивают как вынужденную ответную реакцию. Это может принимать форму обвинения жертвы агрессии в том, что она сама спровоцировала насилие

более склонны думать о выгодах поступка, чем о его негативных последствиях (Brock & Buss, 1962, 1964). В дополнение к избирательности внимания и когнитивному искажению ситуации, могут быть задействованы активные попытки дискредитации свидетельств причиненного вреда.

В исследовании С. Милграма было показано, что, если испытуемые могли наблюдать, как их агрессия отражается на людях, количество агрессивных действий снижалось, а команды авторитетного лидера, связанные с причинением боли жертвам, не выполнялись. В то же время, если последствия агрессивных действий были недоступны для наблюдения или отсрочены во времени, вероятность нарушения моральных норм возрастала (Milgram, 1974).

При оценке фигуры жертвы и отношения к ней включаются такие механизмы морального самооправдания, как дегуманизация жертвы и атрибуция вины. Дегуманизация жертвы предполагает ее примитивизацию, отказ в праве на чувства, мысли, переживания (Bandura, 1986). Восприятие другого как похожего на тебя, переживания препятствуют нарушению моральных обязательств по отношению к этому человеку. Соответственно, если другому отказывают в его человеческих качествах и природном сходстве с собой, это позволяет рассматривать его лишь как объект воздействия. Исследования агрессивных детей показали, что дети проявляют агрессию по отношению к сверстникам, к которым не испытывают симпатию (Perry et al., 1990). Этот процесс может иметь как индивидуальный, так и групповой характер. Например, проявление установок этнофанатизма в межнациональных отношениях подчеркивает вторичность и низкий статус представителей других этнических групп (Солдатова, 1998). Сочетание дегуманизации и перекалывания (диффузии) ответственности создает условия для яркого проявления аморального поведения (Bandura, 1999). Так, например, в Древней Греции людей,

подвергаемых пыткам, называли червями, приравнивая их к низшим формам животного мира и отказывая в удовлетворении элементарных потребностей (Gibson & Haritos-Fatouros, 1986). Атрибуция вины предполагает, что приписывание вины сочетается с ярко выраженным внешним локусом контроля. Нарушители моральных норм часто видят себя беззащитными жертвами обстоятельств и злонамеренного поведения окружающих, а свое поведение расценивают как вынужденную ответную реакцию. Это может принимать форму обвинения жертвы агрессии в том, что она сама спровоцировала насилие (Ferguson & Rule, 1983), утверждения своей неспособности противостоять внешнему давлению или ссылки на внешние обстоятельства.

Таким образом, когнитивная трансформация «плохого» поведения в «хорошее» посредством описанных механизмов «моральной свободы» позволяет оправдать нарушение моральных стандартов. На этапе восприятия ситуации морального выбора – это моральное оправдание, речевая эвфемизация и выбор объекта для сравнения. На этапе оценки морального выбора и последствий поведения происходит перераспределение ответственности и игнорирование или минимизация последствий поступка. На этапе оценки фигуры жертвы – ее дегуманизация и приписывание вины за причиненный вред. Структура самосанкций в этих случаях не актуализируется, и нарушение моральных норм, «оправданное» социальными и моральными мотивами, парадоксально может стать источником повышения моральной самооценки и одобрения своих действий.

Основные направления исследования механизмов морального самооправдания.

Описанная А. Бандурой классификация механизмов морального самооправдания стимулировала исследователей

к всестороннему изучению данного феномена. Основные направления исследования включают: изучение возрастнопсихологической специфики предпочтений в использовании механизмов морального самооправдания и возможностей их использования для трансляции вовне, изучение эффекта использования механизмов морального самооправдания в среднели и долгосрочной перспективе после нарушения моральных стандартов и исследование взаимосвязи механизмов морального самооправдания и различных компонентов морального развития.

Изучение возрастной психологической динамики механизмов морального самооправдания охватывает период от предпубертального возраста до периода молодости. Анализ особенностей морального самооправдания у детей в возрасте от 10 до 15 лет показал, что проявление «моральной свободы» характерно для детей, склонных к проявлению агрессии и к деликвентному поведению. В то же время, тенденция к просоциальному поведению и развитое чувство вины исключает обращение к моральному самооправданию при нарушении моральных норм и отрицательно коррелирует с агрессивным и деликвентным поведением (Bandura et al., 1996). Для морального самооправдания чаще всего используются моральное оправдание, перекалывание ответственности и дегуманизация жертвы. Были найдены гендерные различия – мальчики чаще используют моральное самооправдание, речевую эвфемизацию, минимизацию вредных последствий, дегуманизацию, атрибуцию чувства вины. Однако не была выявлена связь между механизмами «моральной свободы» и возрастом детей, их социоэкономическим положением и социометрическим статусом в группе сверстников (Cairns et al., 1988; Dishion, 1990; Bandura et al., 1996).

В исследовании на итальянской выборке испытуемых в возрасте от 11 до 34 лет было обнаружено, что интенсивность использования механизмов морального самооправдания в подростковом и юношеском возрастах одинакова, но значительно снижается в молодости. Была обнаружена возрастная специфика предпочтений механизмов морального самооправдания. В подростковом возрасте чаще используются распределение/

отрицание ответственности, обесценивание последствий нарушения нормы для жертвы, а в молодости – дегуманизация жертвы.

Отдельное направление исследований связано с возможностью использования морального самооправдания для обоснования как собственного поведения, так и поведения других людей (жертв, участников и наблюдателей ситуации нарушения моральной нормы) (Dang et al., 2017; Reynolds et al., 2014). Интересными представляются результаты исследования использования механизмов морального самооправдания (морального оправдания, диффузии ответственности, минимизации последствий поступка для жертвы) для восстановления дружеских отношений молодыми людьми после столкновения с предательством, обманом, конфронтацией в отношениях с друзьями. Наиболее эффективными оказались моральное оправдание и диффузия ответственности. Эффективность использования стратегий морального самооправдания поступков других людей зависит от индивидуально-личностных особенностей реципиента общения, которые могут оказывать влияние на аргументированность доводов для восстановления дружеских отношений (Iwai et al., 2019).

Механизмы морального самооправдания сегодня рассматриваются не только как когнитивные регуляторы снижения сиюминутного внутреннего психологического давления, но и как мультифункциональная регуляторная система, включающая управление негативными эмоциями (чувством вины и стыда) при анализе последствий нарушения моральных стандартов в средне- и долгосрочной временной перспективе. Тилман с коллегами обратили внимание на то, что большинство исследований эмоциональной компоненты моральных выборов сфокусировано на изучении эмоций в процессе принятия решения о моральном выборе и сразу же после нарушения моральной нормы, в то время как исследования эмоциональных реакций, связанных с последствиями нарушения моральных норм в средне- и долгосрочной перспективе достаточно редки. Была выделена ситуация пост-моральной невовлеченности (post-moral disengagement), связанная с переживанием нарушения моральной

Механизмы морального самооправдания сегодня рассматриваются не только как когнитивные регуляторы снижения сиюминутного внутреннего психологического давления, но и как мультифункциональная регуляторная система, включающая управление негативными эмоциями (чувством вины и стыда) при анализе последствий нарушения моральных стандартов в средне- и долгосрочной временной перспективе

нормы спустя значительное время, когда последствия поступка становятся очевидными. В ходе исследования на студенческой выборке было обнаружено, что эффективное использование механизмов морального самооправдания в момент нарушения моральной нормы вовсе не гарантирует переживания негативных эмоций в средне- и долгосрочной временной перспективе. Использование механизмов морального самооправдания позволяет эффективно снижать чувство стыда, но не оказывает такое же влияние на чувство вины. Более того, если чувство стыда актуализирует механизмы морального самооправдания, то выраженное чувство вины их тормозит. Интересно, что выраженность негативных последствий поведения, нарушающего моральные стандарты, не влияет на интенсивность переживания своих действий как «неправильных» (Tilman et al., 2017). Знание о последствиях нарушения моральной нормы для «жертвы» повышает вероятность переживания нарушителем своего проступка даже в ситуации высокой эффективности морального самооправдания в момент нарушения моральной нормы и сразу после совершения проступка (Tilman et al., 2017; Kubany, Watson, 2003). Таким образом, было показано, что работа механизмов морального самооправдания позволяет избежать внутренней самокритики в период морального выбора и сразу же после нарушения моральной нормы, но в средне- и долгосрочной временной перспективе оказывается неоднозначной – чувство стыда может быть притуплено, а чувство вины блокирует актуализацию психологической самозащиты.

Изучение механизмов морального самооправдания и особенностей морального развития личности позволило обнаружить взаимосвязь механизмов морального самооправдания с просоциальным поведением и просоциальным моральным мышлением (Carlo & Randall, 2002), агрессией (Bandura et al., 2001), антисоциальным поведением в спорте (Boardley &

Kavussani, 2009), буллингом и кибербуллингом (Hymel et al., 2005), насилием над животными (Vollum et al., 2004). Вовлеченность в просоциальное поведение в подростковом возрасте приводит к меньшей актуализации морального самооправдания (Carlo & Randall, 2002). Анализ личностных особенностей людей, активно использующих моральное самооправдание, показал, что такие качества, как низкий уровень эмпатии, несформированность моральной идентичности, цинизм, внешний локус контроля, связаны с более активным использованием морального самооправдания (Detert et al., 2008). Актуализация чувства стыда может стимулировать человека к участию в просоциальном поведении для защиты, восстановления и усиления собственной идентичности (Hooge et al., 2008). Были обнаружены гендерные различия – молодые люди более склонны использовать механизмы морального самооправдания, чем девушки. Это согласуется с данными о том, что в просоциальном поведении девушки более ориентированы на альтруистическое, анонимное, эмоционально-фокусированное оказание помощи, в то время как юноши ориентированы на публичное помогающее поведение (Caroli, Sagone, 2013; Sagone & Caroli, 2013).

Заключение

Моральное самооправдание как феномен морального развития личности возникает при сочетании двух условий. Первым условием является принятие человеком необходимости следовать в своем поведении моральным нормам и ориентировка на их выполнение как основание моральной самооценки. Второе условие – недостаточная готовность личности осуществить моральный выбор, руководствуясь только моральными стандартами. Право выбора – пренебречь социальными требованиями и моральными предписаниями в ситуации моральной

Моральное самооправдание возникает в ответ на противоречие между должным и значимым, с одной стороны, и значимым, но противоположным должному поведением, с другой. Осознание человеком этого противоречия может стать как точкой роста для прогрессивной перестройки морального сознания, так и началом регресса морального развития в направлении поиска аргументов, позволяющих отказаться от приоритета моральных норм, сохранив позитивную моральную самооценку

дилеммы или следовать им в своем поведении – и определяет «моральную свободу» личности. Моральное самооправдание возникает в ответ на противоречие между должным и значимым, с одной стороны, и значимым, но противоположным должному поведением, с другой. Осознание человеком этого противоречия может стать как точкой роста для прогрессивной перестройки морального сознания, так и началом регресса морального развития в направлении поиска аргументов, позволяющих отказаться от приоритета моральных норм, сохранив позитивную моральную самооценку. Исследование возрастных и гендерных особенностей морального самооправдания, возможности их переноса на различ-

ные сферы межличностного общения и кооперации, роли осознания последствий нарушения нормы в среднесрочной и долгосрочной перспективе для обращения к моральному самооправданию позволяет заключить, что моральное самооправдание является индикатором перехода личности от простого воспроизведения заученного «ритуального» морального поведения к собственно моральному выбору. Обретение моральной свободы лежит в русле свободного нравственного законотворения и принятия ответственности за свои убеждения, ценности и моральный выбор. Моральная свобода – это не свобода от моральных стандартов, а лишь свобода выбора между добром и злом. Моральное самооправ-

дание – только миф моральной свободы, поскольку его основная функция – согласовать поступок с социально заданной системой норм и правил, принятых человеком, но не ставших реальной основой его поведения.

Информация о грантах и благодарностях

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ проекта «Личностные и когнитивные факторы использования подростками механизмов морального самооправдания девиантного поведения (буллинга и кибербуллинга) в условиях информационной социализации» № 19-013-00823.

Acknowledgments

This work has been supported by RFBR project «Personal and cognitive factors of using moral disengagement mechanisms of deviant behaviour (bullying and cyber bullying) in adolescents amid informational socialization» No 19-013-00823.

Литература

Анисимов С.Ф. Мораль и поведение. – Москва, 1985.

Арчер Д., Гартнер Р. Жертвы мирного времени: влияние войны на стремление населения к насилию в мирное время // Общественное животное. Исследования / под ред. Э. Аронсон. – Санкт-Петербург, 2003. – С. 44–61.

Бердяев Н.А. Мирозерцание Достоевского [Электронный ресурс] // Библиотека русской и религиозно- философской и художественной литературы «ВЕХИ»: [сайт]. URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/dostoevsky/index.html> – (дата обращения 20.08.2019).

Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Кант И. Сочинения. В 6 тт. Т. 4 (2). – Москва, 1965.

Кочеров С.Н. Парадоксы моральной свободы // Этическая мысль. – 2015. – Т. 15. – С. 5–26.

Ледовая Я.А., Тихонов Р.В., Боголюбова О.Н., Казенная Е.В., Сорокина Ю.Л. Отчуждение моральной ответственности: психологический конструкт и методы его измерения // Вестник СПбГУ. Серия 16. Психология. Педагогика. – 2016. – Вып. 4. – С. 23–39. doi: 10.21638/11701/spbu16.2016.402

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – Москва : Русский язык, 1986.

Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. – Москва : Смысл, 1998. – 389 с.

Aronfreed, J., (1976). Moral development from the standpoint of a general psychology theory. In T.Lickona (Ed.) *Moral development and behavior*. NY: Holt.

Bandura, A., & McDonald, F.J. (1963). The influence of social reinforcement and the behavior of models in shaping children's moral judgments. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 67, 274–281. doi: 10.1037/h0044714

Bandura, A., Underwood, B., & Fromson, M.E. (1975). Disinhibition of aggression through diffusion of responsibility and dehumanization of victims. *Journal of Research in Personality*, 9, 253–269. 10.1016/0092-6566(75)90001-X

Bandura, A. (1986). *Social foundations of thought and action: A social cognitive theory*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Bandura, A. (1990). Selective activation and disengagement of moral control. *Journal of Social Issues*, 46, 27–46. doi: 10.1111/j.1540-4560.1990.tb00270.x

Bandura, A. (1991). Social cognitive theory of moral thought and action. In W. M. Kurtines & J. L. Gewirtz (Eds.), *Handbook of moral behavior and development*, 1, 45–103. Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Bandura, A., Barbaranelli, C., Caprara, G.V. & Pastorelli, C. (1996). Multifaceted Impact of Self-Efficacy Beliefs on Academic Functioning. *Child Development*, 67(3), 1206–1222. doi: 10.2307/1131888

Bandura, A. (1999). Moral disengagement in the perpetration of inhumanities. *Personality and Social Psychology Review*, 3, 193–209. doi: 10.1207/s15327957pspr0303_3

Bandura, A., Caprara, G.V., Barbaranelli, C., Pastorelli, C., & Regalia, C. (2001). Sociocognitive self-regulatory mechanisms governing transgressive behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 80, 125–135. doi: 10.1037/0022-3514.80.1.125

Bandura, A. (2002). Selective moral disengagement in the exercise of moral agency. *Journal of Moral Education*, 31, 101–119. doi: 10.1080/0305724022014322

Bandura, A. (2015). *Moral Disengagement: How People Do Harm and Live with Themselves*. New York, NY: Worth

- Boardley, I.D., & Kavussanu, M. (2009). The influence of social variables and moral disengagement on prosocial and antisocial behaviours in field hockey and netball. *Journal of Sports Sciences*, 27, 843–854. doi: 10.1080/02640410902887283
- Brock T.C., & Buss A.H. (1962). Dissonance, aggression, and evaluation of pain. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*, 65(3), 197–202. doi: 10.1037/h0048948
- Burton R.V. (1976) Honesty and dishonesty. Moral development and behavior. New York: Holt, Rinehart & Winston, 173–197.
- Burton, R.V. & Kuncle L. (1995) Behavioral models of moral development: A brief history and integration. In W.M. Kurtines & J. L. Gewirtz (Eds.) *Moral development: An introduction Boston, MA: Allyn & Bacon*, 141–171.
- Cairns, R. B., Cairns, B. D., Neckerman, H. J., Gest, S. D., & Gariépy, J.-L. (1988). Social networks and aggressive behavior: Peer support or peer rejection? *Developmental Psychology*, 24(6), 815–823. doi: 10.1037//0012-1649.24.6.815
- Carlo, G., & Randall, B.A. (2002). The development of a measure of prosocial behaviors for late adolescents, *Journal of Youth and Adolescence*, 31, 31–44. doi: 10.1023/A:1014033032440
- Caroli M.E., Sagone E. (2013). Mechanisms of moral disengagement: an analysis from early adolescence to youth. *Procedia Social and Behavioral Sciences*, 140, 312–317. doi: 10.1016/j.sbspro.2014.04.426
- Caprara G.V., Dodge K.A., Pastorelli C., & Zelli A. (2006) The Effects of Marginal Deviations on Behavioral Development. *European Psychology*, 11(2), 79–89. doi: 10.1027/1016-9040.11.2.79
- Cohen & Nisbett, (1994) Self-Protection and the Culture of Honor 20(5), 551–567. doi: 10.1177/0146167294205012
- Dang, C. T., Umphress, E. E., & Mitchell, M. S. (2017). Leader social accounts of subordinates' unethical behavior: Examining observer reactions to leader social accounts with moral disengagement language. *Journal of Applied Psychology*, 102(10), 1448–1461. doi: 10.1037/apl0000233
- Diener, E., Dineen, J., Endresen, K., Beaman, A. L., & Fraser, S. C. (1975). Effects of altered responsibility, cognitive set, and modeling on physical aggression and deindividuation. *Journal of Personality and Social Psychology*, 31(2), 328–337. doi: 10.1037/h0076279
- Diener E. (1977). Deindividuation: Causes and consequences. *Social Behavior and Personality: An International Journal*, 5(1), 143–155. doi: 10.2224/sbp.1977.5.1.143
- Dishion, E. (1990) The Family Ecology of Boys' Peer Relations in Middle Childhood. *Child development*, 61(3), 874–892. doi: 10.2307/1130971
- Detert J.R., Trevino L.K., & Sweitzer V.L. (2008). Moral disengagement in ethical decision making: a study of antecedents and outcomes. *Journal of Applied Psychology*, 93, 374–391. doi: 10.1037/0021-9010.93.2.374
- Iwai T., Vinicius J. & Lalli V.M. (2019). Explaining transgressions with moral disengagement strategies and their effects on trust repair. *Brazilian Administration Review*, 15(4). doi: 10.1590/1807-7692bar2018180016
- Gibson J. & Haritos-Fatouros M. (1986). The education of torturer. *Social influence*, 246–251. doi: 10.1037/e400772009-004
- Hooge E.I., Breugelmanns S.M., & Zeelenberg M. (2008). Not so ugly after all: when shame acts as a commitment device. *Journal Personal Social Psychology*, 95(4), 933–943. doi: 10.1037/a0011991
- Hymel S., Roche-Henderson N., & Bonnanno R.A. (2005). Moral Disengagement: A Framework for Understanding Bullying Among Adolescents. *Journal of the Social Sciences*, 8, 45–60.
- Kelman, H.C. (1973) Violence without moral restraint: reflections on the dehumanization of victims and victimizers. *Journal of social issues*, 29(4), 25–61. doi: 10.1111/j.1540-4560.1973.tb00102.x
- Kelman, H. C., & Hamilton, V. L. (1989). *Crimes of obedience: Toward a social psychology of authority and responsibility*. New Haven, CT, US: Yale University Press.
- Kubany, Edward S. & Watson, Susan B. (2003). «Guilt: Elaboration of a Multidimensional Model», *The Psychological Record*, 53(1), Article 4.
- Levine, E.E., & Schweitzer, M.E. (2014). Are liars ethical? On the tension between benevolence and honesty. *Journal of Experimental Social Psychology*, 53, 107–117. doi: 10.1016/j.jesp.2014.03.005
- Milgram S. (1974). Obedience to Authority.
- Perry, D.G., Williard, J.C., & Perry, L.C. (1990). Peers' perceptions of the consequences that victimized children provide aggressors. *Child Development*, 61(5), 1310–1325. doi: 10.2307/1130744
- Reynolds, S.J., Dang, C.T., Yam, K.C., & Leavitt, K. (2014). The role of moral knowledge in everyday immorality: What does it matter if I know what is right? *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 123(2), 124–137. doi: 10.1016/j.obhdp.2013.10.008
- Sagone, E., & De Caroli, M.E. (2013). Personality factors and civic moral disengagement in law and psychology university students. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 93, 158–163. doi: 10.1016/j.sbspro.2013.09.170
- Sanford & Comstock (1971). *Sanctions for Evil: Sources of Social Destructiveness Hardcover*. Publisher: Jossey-Bass, 287.
- Tilman C.J., Gonzalez K., Whitman M.V., Crawford W.S., & Hood A.C. (2017). A Multi-Functional View of Moral Disengagement: Exploring the Effects of Learning the Consequences. *Front Psychology*, 8, 22–86. doi: 10.3389/fpsyg.2017.02286
- David C. Rapoport & Yonah Alexander (Eds.) (1982). *The Morality of Terrorism: Religious and Secular Justifications*. New York: Pergamon Press, 337.
- Vollum, S., Longmire, D.R. & Buffington-Vollum, J. (2004). Confidence in the Death Penalty and Support for Its Use: Exploring the Value-Expressive Dimension of Death Penalty Attitudes. *Justice Quarterly*, 21, 521–546. doi: 10.1080/07418820400095891
- Zimbardo, P. G. (1995). The psychology of evil: A situationist perspective on recruiting good people to engage in anti-social acts. *The Japanese Journal of Social Psychology*, 11(2), 125–133.

References

- Anisimov S.F. (1985). Moral and behaviour. Moscow, 132.
- Archer D., & Gartner R. (2003). Peacetime victims: the impact of war on people's desire for peacetime violence. In Aronson E. [*Obshchestvennoe*

zhivotnoe. *Issledovaniya*. SPb, 44–61.

- Aronfreed, J. (1976). Moral development from the standpoint of a general psychology theory. In T. Lickona (Ed.) *Moral development and behavior*. NY: Holt.
- Bandura, A., & McDonald, F.J. (1963). The influence of social reinforcement and the behavior of models in shaping children's moral judgments. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 67, 274–281. doi: 10.1037/h0044714
- Bandura, A., Underwood, B., & Fromson, M.E. (1975). Disinhibition of aggression through diffusion of responsibility and dehumanization of victims. *Journal of Research in Personality*, 9, 253–269. doi: 10.1016/0092-6566(75)90001-X
- Bandura, A. (1986). *Social foundations of thought and action: A social cognitive theory*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Bandura, A. (1990). Selective activation and disengagement of moral control. *Journal of Social Issues*, 46, 27–46. doi: 10.1111/j.1540-4560.1990.tb00270.x
- Bandura, A. (1991). Social cognitive theory of moral thought and action. In W. M. Kurtines & J. L. Gewirtz (Eds.), *Handbook of moral behavior and development*, 1, 45–103. Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Bandura, A., Barbaranelli, C., Caprara, G.V. & Pastorelli, C. (1996). Multifaceted Impact of Self-Efficacy Beliefs on Academic Functioning. *Child Development*, 67(3), 1206–1222. doi: 10.2307/1131888
- Bandura, A. (1999). Moral disengagement in the perpetration of inhumanities. *Personality and Social Psychology Review*, 3, 193–209. doi: 10.1207/s15327957pspr0303_3
- Bandura, A., Caprara, G.V., Barbaranelli, C., Pastorelli, C., & Regalia, C. (2001). Sociocognitive self-regulatory mechanisms governing transgressive behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 80, 125–135. doi: 10.1037/0022-3514.80.1.125
- Bandura, A. (2002). Selective moral disengagement in the exercise of moral agency. *Journal of Moral Education*, 31, 101–119. doi: 10.1080/0305724022014322
- Bandura, A. (2015). *Moral Disengagement: How People Do Harm and Live with Themselves*. New York, NY: Worth
- Berdyayev N.A. (2001). Dostoevskiy's worldview. [*Biblioteka russkoi i religiozno-filosofskoi i khudozhestvennoi literatury*]. «VEKhI», Praga. Retrieved from: <http://www.vehi.net/berdyayev/dostoevsky/index.html> (accessed 20.08. 2019)
- Boardley, I.D., & Kavussanu, M. (2009). The influence of social variables and moral disengagement on prosocial and antisocial behaviours in field hockey and netball. *Journal of Sports Sciences*, 27, 843–854. doi: 10.1080/02640410902887283
- Brock T.C., & Buss A.H. (1962). Dissonance, aggression, and evaluation of pain. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*, 65(3), 197–202. doi: 10.1037/h0048948
- Burton R.V. (1976) *Honesty and dishonesty. Moral development and behavior*. New York: Holt, Rinehart & Winston, 173–197.
- Burton, R.V. & Kuncle L. (1995) Behavioral models of moral development: A brief history and integration. In W.M. Kurtines & J. L. Gewirtz (Eds.) *Moral development: An introduction* Boston, MA: Allyn & Bacon, 141–171.
- Cairns, R. B., Cairns, B. D., Neckerman, H. J., Gest, S. D., & Gariépy, J.-L. (1988). Social networks and aggressive behavior: Peer support or peer rejection? *Developmental Psychology*, 24(6), 815–823. doi: 10.1037//0012-1649.24.6.815
- Carlo, G., & Randall, B.A. (2002). The development of a measure of prosocial behaviors for late adolescents, *Journal of Youth and Adolescence*, 31, 31–44. doi: 10.1023/A:1014033032440
- Caroli M.E., Sagone E. (2013). Mechanisms of moral disengagement: an analysis from early adolescence to youth. *Procedia Social and Behavioral Sciences*, 140, 312–317. doi: 10.1016/j.sbspro.2014.04.426
- Caprara G.V., Dodge K.A., Pastorelli C., & Zelli A. (2006) The Effects of Marginal Deviations on Behavioral Development. *European Psychology*, 11(2), 79–89. doi: 10.1027/1016-9040.11.2.79
- Cohen & Nisbett, (1994) Self-Protection and the Culture of Honor 20(5), 551–567. doi: 10.1177/0146167294205012
- Dang, C. T., Umphress, E. E., & Mitchell, M. S. (2017). Leader social accounts of subordinates' unethical behavior: Examining observer reactions to leader social accounts with moral disengagement language. *Journal of Applied Psychology*, 102(10), 1448–1461. doi: 10.1037/apl0000233
- Diener, E., Dineen, J., Endresen, K., Beaman, A. L., & Fraser, S. C. (1975). Effects of altered responsibility, cognitive set, and modeling on physical aggression and deindividuation. *Journal of Personality and Social Psychology*, 31(2), 328–337. doi: 10.1037/h0076279
- Diener E. (1977). Deindividuation: Causes and consequences. *Social Behavior and Personality: An International Journal*, 5(1), 143–155. doi: 10.2224/sbp.1977.5.1.143
- Dishion, E. (1990) The Family Ecology of Boys' Peer Relations in Middle Childhood. *Child development*, 61(3), 874–892. doi: 10.2307/1130971
- Detert J.R., Trevino L.K., & Sweitzer V.L. (2008). Moral disengagement in ethical decision making: a study of antecedents and outcomes. *Journal of Applied Psychology*, 93, 374–391. doi: 10.1037/0021-9010.93.2.374
- Iwai T., Vinicius J. & Lalli V.M. (2019). Explaining transgressions with moral disengagement strategies and their effects on trust repair. *Brazilian Administration Review*, 15(4). doi: 10.1590/1807-7692bar2018180016
- Gibson J. & Haritos-Fatouros M. (1986). The education of torturer. Social influence, 246–251. doi: 10.1037/e400772009-004
- Hooge E.I., Breugelmans S.M., & Zeelenberg M. (2008). Not so ugly after all: when shame acts as a commitment device. *Journal Personal Social Psychology*, 95(4), 933–943. doi: 10.1037/a0011991
- Hymel S., Rocke-Henderson N., & Bonnano R.A. (2005). Moral Disengagement: A Framework for Understanding Bullying Among Adolescents. *Journal of the Social Sciences*, 8, 45–60.
- Kant I. (1965). *Groundwork of the Metaphysics of Morals*. In 6 Vols, Vol.4 (2). Moscow.
- Kelman, H.C. (1973) Violence without moral restraint: reflections on the dehumanization of victims and victimizers. *Journal of social issues*, 29(4), 25–61. doi: 10.1111/j.1540-4560.1973.tb00102.x
- Kelman, H. C., & Hamilton, V. L. (1989). *Crimes of obedience: Toward a social psychology of authority and responsibility*. New Haven, CT, US: Yale University Press.

- Kubany, Edward S. & Watson, Susan B. (2003). «Guilt: Elaboration of a Multidimensional Model», *The Psychological Record*, 53(1), Article 4.
- Kocherov S.N. (2015). Paradoxes of moral freedom. [*Eticheskaya mys'l'*], 15, 5–26.
- Ledovaya Ya.A., Tikhonov R.V., Bogolyubova O.N., Kazennaya E.V., & Sorokina Yu.L. (2016). Alienation of moral responsibility: a psychological construct and methods for measuring it. [*Vestnik SPbGU*]. Series 16. Psychology. *Pedagogy*, 4, 23–39. doi: 10.21638/11701/spbu16.2016.402
- Levine, E.E., & Schweitzer, M.E. (2014). Are liars ethical? On the tension between benevolence and honesty. *Journal of Experimental Social Psychology*, 53, 107–117. doi: 10.1016/j.jesp.2014.03.005
- Milgram S. (1974). Obedience to Authority.
- Ozhegov S.I. (1986). Dictionary of the Russian Language.
- Perry, D.G., Williard, J.C., & Perry, L.C. (1990). Peers' perceptions of the consequences that victimized children provide aggressors. *Child Development*, 61(5), 1310–1325. doi: 10.2307/1130744
- Reynolds, S.J., Dang, C.T., Yam, K.C., & Leavitt, K. (2014). The role of moral knowledge in everyday immorality: What does it matter if I know what is right? *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 123(2), 124–137. doi: 10.1016/j.obhdp.2013.10.008
- Sagone, E., & De Caroli, M.E. (2013). Personality factors and civic moral disengagement in law and psychology university students. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 93, 158–163. doi: 10.1016/j.sbspro.2013.09.170
- Sanford & Comstock (1971). *Sanctions for Evil: Sources of Social Destructiveness* Hardcover. Publisher: Jossey-Bass, 287.
- Soldatova G.U. (1998). Psychology of interethnic tension. Moscow, Smysl, 389.
- Tilman C.J., Gonzalez K., Whitman M.V., Crawford W.S., & Hood A.C. (2017). A Multi-Functional View of Moral Disengagement: Exploring the Effects of Learning the Consequences. *Front Psychology*, 8, 22–86. doi: 10.3389/fpsyg.2017.02286
- David C. Rapoport & Yonah Alexander (Eds.) (1982). *The Morality of Terrorism: Religious and Secular Justifications*. New York: Pergamon Press, 337.
- Vollum, S., Longmire, D.R. & Buffington-Vollum, J. (2004). Confidence in the Death Penalty and Support for Its Use: Exploring the Value-Expressive Dimension of Death Penalty Attitudes. *Justice Quarterly*, 21, 521–546. doi: 10.1080/07418820400095891
- Zimbardo, P. G. (1995). The psychology of evil: A situationist perspective on recruiting good people to engage in anti-social acts. *The Japanese Journal of Social Psychology*, 11(2), 125–133.